

ВЛАДИСЛАВ ЖЕНЕВСКИЙ
запах

САМАЯ
СТРАШНАЯ
КНИГА

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ж54

Серия «Самая страшная книга»
Серийное оформление: *Юлия Межова*

Составитель *Парфенов М. С.*

В книге и на обложке использованы иллюстрации
Александра Соломина

Женевский, Владислав

Ж54 Запах: сборник рассказов.— Москва: Издательство АСТ, 2016.— 380, [1] с.— (Самая страшная книга).

ISBN 978-5-17-097774-1

«ЗАПАХ» Владислава Женевского (1984–2015) — это безупречный стиль, впитавший в себя весь необъятный опыт макабрической литературы прошлых веков.

Это великолепная эрудиция автора, крупнейшего знатока подобного рода искусства — не только писателя, но и переводчика, критика, библиографа.

Это потрясающая атмосфера и незамутненное, чистой воды визионерство.

Это прекрасный, богатый литературный язык, которым описаны порой совершенно жуткие, вызывающие сладостную дрожь образы и явления.

«ЗАПАХ» Владислава Женевского — это современная классика жанров weird и horror, которую будет полезно и приятно читать и перечитывать не только поклонникам ужасов и мистики, но и вообще ценителям хорошей литературы.

Издательство АСТ, редакция «Астрель-СПб», серия «Самая страшная книга» счастливы и горды представить вниманию взыскательной публики первую авторскую книгу в серии ССК.

Книгу автора, который ушел от нас слишком рано — чтобы навеки остаться бессмертным в своем творчестве, рядом с такими мэтрами, как Уильям Блейк, Эдгар Аллан По, Говард Филлипс Лавкрафт, Эдогава Рампо, Ганс Гейнц Эверс и Леонид Андреев.

© Владислав Женевский, текст, 2016
© Александр Соломин, обложка, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

«Это больше Вселенной». Памяти Владислава Женевского

Есть вещи, которые правда больше Вселенной. Время — одна из этих вещей. Страна, чья территория распространяется гораздо шире. Змея, которая заглатывает миры, пожирает галактики по кусочку, день за днем.

Мы познакомились с Владиславом Хазиевым на форуме русскоязычных поклонников творчества Стивена Кинга больше десяти лет тому назад. Многие тогда еще общались на форумах, общались с помощью слов и предложений, а не «лайков», и позволяли себе оставлять сообщения длиной свыше ста сорока символов. Нам обоим было по двадцать с чем-то или без чего-то. Влад уже писал жуткие и прекрасные истории, уже придумал себе в качестве псевдонима фамилию Женевский — в честь Женевского озера, на берегах которого поэты лорд Байрон и Перси Биши Шелли, жена последнего Мэри и лечащий врач первого Уильям Полидори как-то раз устроили, возможно, первый в мире конкурс хоррора. Доктор Полидори сочинил (видимо, основываясь на придумке своего знаменитого пациента) новеллу «Вампир», а Мэри Шелли — роман, получивший название «Франкенштейн, или Современный Прометей».

Как нетрудно догадаться, Влад уже тогда, к середине 2000-х, был знатоком макабрической прозы. Сегодня за Женевским — репутация безупречного (сам бы он с этим не согласился в силу удивительной скромности) литератора и переводчика, блестящего критика, литературоведа и, безусловно, одного из лидеров «новой хоррор-волны» в русскоязычной литературе.

Много это или мало в масштабах Вселенной?..

Так что же такое хоррор – философия, религия, извращение, досадный курьез?

Хотим мы того или нет, но в глазах публики темное братство всегда будет невнятным меньшинством. Само наше существование – сюжет для антиутопии: группа неуловимых (и никому не нужных?) повстанцев ведет ожесточенные бои в тылу врага. Об этом можно было бы написать полновесную книгу, если бы не абсурдность ситуации, ведь хоррор – это гетто внутри гетто, меньшинство в квадрате; нас одинаково сложно отнести к тем, о ком пишут в серьезных журналах, и к тем, кто собирает большие тиражи. Нас не вообразить в мейнстриме, но и для фантастов мы всегда будем чужими... так, может быть, стоит этим гордиться? Может быть, Неуловимый Джо не бесполезен, а всего лишь – свободен?

Судьба литературы висит сейчас на волоске: на шкале общества потребления мы где-то между кузнечным делом и балетом. А значит, ушло время поденщиков и бумагомазак: останутся только самые неистовые – гении и графоманы. Те, кто не может не писать. Никаких дедайнов, никаких форматов: пишем для себя и для тех, кто готов нас слушать, остальным – дорога в копирайтеры и репортеры.

Философия, религия, извращение? Какая разница. Без хоррора нас бы не существовало.

Владислав Женеvский

Женеvский родился и вырос в Уфе, там он провел большую часть своей несправедливо короткой, но яркой, как вспышка, жизни. Еще в раннем детстве он полюбил чтение и с первых классов школы взялся сочинять стихи и сказки. Закончив учебу, решил было связать будущее с инженерией и математикой, но вскоре понял, что это совершенно «не его». Поступил на филфак, а в дальней-

шем учился на переводчика (Школа Баканова). К тому времени он уже блестяще знал творчество не только Кинга, но и классиков жанра: Э. А. По, Г. Ф. Лавкрафта, Г. Г. Эверса, У. Голдинга и многих других. Просветитель по натуре, писал огромное количество рецензий, статей, охватывая весь пласт мировой культуры, от литературы немецкого романтизма до современного кинематографа и музыки. Составлял рекомендационные списки для желающих изучать «темный жанр». Переводил прозу, устраивал и публиковал интервью. В том числе – позволил русскоязычным читателям «услышать» (впервые!) Питера Страуба, Рэмси Кэмпбелла, Стивена Джонса, Лэрда Баррона, Глена Хиршберга, Адама Нэвилла, Джо Р. Лэнсдейла и других мастеров. В качестве переводчика и публициста сотрудничал со множеством изданий и ресурсов: журналами «FANтастика» и «Мир фантастики», фэнзинами «Тьма» и DARKER, постоянным автором и какое-то время редактором которых был. Много раз становился лауреатом известной в узких кругах премии «Фанткритик», стоял у истоков литературного общества «Тьма», входил в номинационную комиссию литературной премии «Новые горизонты», был одним из администраторов портала «Фантлаб», работал над переводами для издательства «АСТ». Параллельно писал сам, не питая поначалу, как и все мы, особых надежд увидеть свои рассказы опубликованными на бумаге.

Говорит коллега Женеvского, известный фэн, один из администраторов Фантлаба *Алексей Грибанов*:

Влад Женеvский... Мне привычнее называть его Пикман, под этим ником – Pickman – он был известен в Сети.

Но мне посчастливилось общаться с этим удивительным человеком не только в Интернете. Он был настоя-

щим интеллигентом, всегда готовым к диалогу, доброжелательным, уважающим собеседника, готовым прислушиваться к чужим словам, и вместе с тем – твердым в убеждениях, умеющим отстаивать свою правоту.

Общаясь с Владом, я впервые в полной мере понял значение слова «харизма»: стоило ему о чем-либо незгромко заговорить, как в наших шумных компаниях все замолкали и начинали прислушиваться («все, о чем говорит Пикман, – интересно»), он умел захватить внимание аудитории одной неожиданной остроумной фразой. Примечательно, что даже в обычном дружеском трепе его речь была гармонична и красива, должно быть, сказывалось свойственное большим писателям внимание к деталям, к каждому слову. При этом Влад отличался замечательным чувством юмора, многие изречения Пикмана в кругу фантлабовцев стали крылатыми, именно он придумал использовать фамилию замечательного английского писателя для определения не слишком хорошего самочувствия, так родился неологизм «пратчетт» («ох, что-то меня пратчетт»).

Наверное, каждому человеку на жизненном пути встречается идеальный собеседник, с которым хочется общаться, хочется слушать его снова и снова. Таким для меня был Влад. Он был способен поддержать разговор на любую тему – от литературы до интернет-мемов. Вообще, эрудиция Владислава, багаж его знаний – поражали. Он отлично разбирался не только в литературе, но и в кинематографе. К IV Всероссийской встрече Фантлаба в 2011 году мы с Владом подготовили показ фантастической и сюрреалистической анимации. Несколько месяцев выбирали наиболее интересные мультфильмы со всего света и были рады, что показ прошел с большим успехом. Влад тогда очень помог в выборе и поиске редких анимационных работ и написал прекрасное вступительное слово к нашему меропроятию. Он писал стихи и прозу, замечательные статьи и рецензии, занимался переводами, редакторской работой, организовывал интервью с зарубежны-

ми писателями, составлял библиографии на Фантлабе. И делал все одинаково талантливо и добросовестно. Казалось, что он настоящий волшебник, у которого три руки, как у шамана из песни его любимого «Пикника».

Я всегда был твердо уверен, что этот человек поднимет русский хоррор на новый, более высокий уровень. По-другому и не могло быть: талант Влада, его увлеченность любимым делом, все на это указывало. Но вмешалась болезнь... Остались его произведения, созданные по сути всего за несколько лет активной работы, а главное – сотни людей, которых Пикман заинтересовал, увлек «темной литературой». Я знаю, что он всегда находил время помочь начинающим авторам – советом, редакторской правкой. И порой неяркий, простоватый рассказ новичка после небольших правок Пикмана вдруг обретал глубину и силу.

В отечественной литературе Женевский особенно ценил прозу Леонида Андреева, рассказ которого «Он» перевел на английский для проекта Weird Fiction Review известного американского писателя Джеффа Вандермеера. Подобно одному из кумиров своей молодости, Лавкрафту (в своей ранней прозе Женевский порой сознательно подражает ему, как и Кингу), вел активную переписку с единомышленниками и коллегами, в том числе зарубежными. В последние годы занимался всем этим, даже несмотря на тяжелый недуг, от которого в ноябре 2015 года и скончался, не дожив меньше двух месяцев до своего 31-летия.

Смерть тоже больше Вселенной. Ведь и вселенные умирают.

Влад Женевский был моим другом и коллегой, с которым я, увы, так ни разу и не встретился. Но из нашей переписки я понимал, что он любознателен, много знает и обладает особым сдержанным чувством юмора.

Без его помощи наша готовящаяся к публикации антология фантастической литературы осталась бы неполной, лишённой произведений русских и украинских авторов.

Работая с Владом, я понимал, что общаюсь с человеком вдумчивым и исполненным страстной любви к литературе. Я верил, что впереди у нас еще долгие годы переписки, пока мы, наконец, не встретимся. Нельзя измерить мою печаль от ухода Влада.

Джефф Вандермеер

Любовь тоже больше Вселенной. Вы не знали?..

Нас разделяли сотни километров, но я считал его своим близким другом. Мы годами дружили по переписке, а лично встретились лишь однажды, в рамках трехдневного конвента ФантАссамблея в Санкт-Петербурге, где в тот раз впервые была открыта секция хоррора. Женевский выступал с докладом, на основе которого впоследствии было написано эссе «Хоррор в русской литературе», имеющее для нашего жанра в России и ближнем зарубежье значение не меньшее, чем для Запада имела статья Лавкрафта «Сверхъестественный ужас в литературе». Крайне скрупулезный и тщательный автор, Влад придавал большое значение символам, образам и атмосфере. Надо было быть там и видеть, как он обставил свое выступление: с выключенным светом, зашторенными окнами, при свете одинокой свечи. Он рассказывал (и показывал слайды), а все восхищенно внимали. Мероприятие это имело успех едва ли не больший, чем лекции главной приглашенной «звезды» того конвента, фантаста Кори Доктороу.

Узнав, что Влада не стало, я плакал. Он был мне братом. Я любил его. Восхищался его человеческими качествами. Преклонялся перед его литературным дарованием. И не я один. Хотя при жизни Женевского опубликовано было не так много

его произведений (новеллы в онлайн-изданиях и печатных антологиях, таких как «Фантастический детектив 2014», «Темная сторона дороги», «Самая страшная книга 2015», «Хеллоуин», «13 маньяков»), для многих молодых авторов хоррора он стал не только другом, но и учителем, подавая пример тщания и прилежности в обращении со словом, являя собой наглядный образец одновременно и творца-визионера, и истово влюбленного в Литературу трудоголика.

Вспоминает писатель, долгое время главный редактор культового вебзина DARKER Александр Подольский:

Влад для меня навсегда останется человеком, в котором идеально сочеталось темное и светлое. Темное жило в творчестве. Оно пугало, завораживало, восхищало, но оставалось запечатанным в текстах. В словах. А светлое всегда было снаружи. Сопровождало его в реальной жизни и делало людей вокруг чуть лучше, чуть добрее, чуть счастливее. Влад был энергетическим вампиром наоборот – он не высасывал жизненные соки, а удивительным образом наполнял ими. Шутками, идеями, одним своим присутствием. В его компании всегда было уютно и тепло, к его светлой ауре хотелось тянуться, на его мрачное творчество хотелось равняться. Влад был супергероем, который сумел справиться со своими темными способностями и использовать их во благо. А все супергерои в той или иной степени бессмертны. Ведь они будут с нами, пока о них помнят и говорят.

Настоящее искусство больше Вселенной, отражая ее в бесчисленных преломлениях в бесконечном лабиринте зеркал. Гении живут в веках, ибо время не властно над тем, что, как говорил Женевский, «написано кровью».

В творчестве Влад достиг выдающихся высот. Унаследовав лучшее у классиков, сумел освежить,

обновить и улучшить то, что брал у них, так что даже в тех историях, которые на первый взгляд кажутся лишь безупречной стилизацией под литературу прошлых веков («Никогда», «Зевака», «Запах»), читатель может увидеть самобытный стиль и личное авторское «Я» (или его же «Ид») самого Женевского. И не только увидеть, но — вот оно, высочайшее писательское мастерство, виртуозность истинного гения! — осязать, ощутить аромат, почувствовать. Уровень Сартра. Камю. Кафки. Если бы те взялись писать готические романы о «космическом» ужасе, находя удивительное в отвратительном, прекрасное и чудесное в странном и жутком.

Он парил на крыльях таланта так высоко, что не всякий даже более опытный коллега-писатель мог оценить всю красу и мощь этого ошеломляющего полета. Подобно своим литературным учителям и предшественникам — Блэйку, По, Лавкрафту и другим, он летал в таких сферах, исследовал пытливым взором мрачное сияние таких звезд, свет которых еще десятилетиями будет ниспадать на нашу грешную землю.

И при этом оставался вполне земным человеком. Гуманистом, просветителем, интеллигентом в лучшем смысле. Человеком, который ушел рано, чтобы остаться здесь навсегда.

Когда меня попросили рассказать о Владе, я почувствовал себя обманщиком. Почему я? Ведь мы не слишком много общались. И, подумав, понял — просто общения с Владом всегда казалось мало. Он был умным, эрудированным, интересным. Любой находил с ним точки соприкосновения. Он жил далеко, у себя в Башкортостане — подписывая открытки, я всегда переживал, что полный адрес не влезет, — а был, казалось, рядом.

Мы обычно пересекались во время его путешествий, на нейтральной территории, когда он бывал проездом

в Москве или Санкт-Петербурге. И только в последнюю нашу встречу я на пару дней «заскочил» к нему в гости, проехав тысячу триста километров. Такой визит оказался из ряда вон выходящим событием — никто до Уфы не добирался. А стоит отметить, что Влад был дружелюбным человеком, который благодаря Интернету поддерживал общение с людьми со всего света. И вот, когда мы (я и Илья Пивоваров) появились на пороге, его мама, Флюза, даже опешила: «Влад постоянно рассказывал, что общается в Интернете с друзьями. Но я же никогда никого не видела. Уже думала, что друзья — воображаемые». То, как они постоянно друг друга подкалывали, — отдельный штрих к портрету Влада.

На следующий же день Влад приготовил гостям роскошный подарок — мы загрузились в машину и отправились в горы. Нас ждали два дня на турбазе, езда на лошадях и восхождение на Ялангса — гору невысокую, но словно дразнящую: с нее можно любоваться раскинувшимися до самого горизонта красотами Башкирии.

Когда вы прочитаете рассказы Влада, то поймете, насколько важным было для него ощущать красоту, эстетику мира. И поймете, как ему повезло с местом рождения. Мы ехали местами, вдохновившими рассказ «Мед», и в салоне до одурения пахло башкирским разнотравьем. Запах пряный, теплый и тягучий. Путешествие сразу в двух измерениях: географическом и творческом. Фантастика!

Погода здесь переменчивая. Утро в день нашего восхождения было ясным, но после обеда мы вымокли до нитки. Лошади ступали по слякоти, смачно чавкая копытами. Проводники приказали спешиться и вести лошадей под уздцы. Непривычно было видеть, как живое существо, которое в несколько раз больше тебя размером, идет с опаской, побаиваясь, а ты, такой маленький, успокаиваешь и подбадриваешь конягу.

В том походе Влад почувствовал себя плохо, и на гору мы буквально вползли. Обратный путь дался нелегко. Влад брел, пошатываясь, и много раз поскальзывался, па-

дал. «После семнадцатого раза я перестал считать», — мрачно пошутил он. И все же шел. Чувствовал ли он, что видит это все в последний раз? Правильным ли было навестить мшистые леса и укрытые туманом поля перед тремя месяцами мучений на больничной койке?

Влад был настоящим писателем, для которого творчество и жизнь неразделимы. Одно питало другое. Сильные впечатления и эмоции он перерабатывал в строки текста. Так и тому дрянному дню он не позволил стать всего лишь несколькими испоганенными часами жизни.

«Я понял, как выглядит мой личный Ад, — идти по холодной мокрой грязи. Оступаться и падать. И продолжать идти, не зная, когда остановка. Когда-нибудь я напишу об этом». Согласитесь, картина достаточно прихотливая, как и все творчество Женевского.

Что самое невыносимое в том, что Влад ушел? То, что мы больше никогда ничего не скажем друг другу. Никогда не напишем. Не пошлем весточку. Бывает, люди переезжают. Или уходят с головой в быт. Или ссорятся — годами не общаются. Но это совсем иное. У нас физически больше нет возможности пообщаться с Владом. И только рассказы остались. Ты начинаешь читать и слышишь его голос. Что он тебе говорит?

Сергей Корнеев

Тем, кому только еще предстоит знакомство с творчеством Женевского (а эта книга — первое, пусть и не абсолютно полное собрание его сочинений), можно только позавидовать. Вам предстоит удивительное путешествие, в чем-то подобное описанному подъему на гору Ялангса. Временами трудное, порой через грязь и слякоть, но, оказавшись на вершине, вы увидите, как из грязи растут цветы и травы неопишуемой красоты. Оцените масштабы открывшегося пейзажа.

Это больше Вселенной, как писал Владислав Женевский.

ОГОНЬКИ

Рэю Брэдбери

За утесом косым в эту страшную ночь,
Обезумевшим в вечном «Один!» маяком,
Там, где ветер себе панихиду поет,
Где в экстазе сливаются волны с дождем,

Разбегись,
оттолкнись —
и звереньшем вниз,
Прямо в бездну,
в пучину,
забудься, протись!

И все ниже,
и глубже,
в холодную тьму,
И все дальше,
и тише,
стать тьмой самому!

Там блуждают безмолвно гуськом огоньки,
Там глаза омертвелые в вечности ждут.
Не страшись протянуть непослушной руки:
Ты уже сам из них, и тебя не найдут.

Ты и сам стал блуждающим бледным огнем
И кружишься под странные вальсы без нот...
Позабудь, что Вселенной был дан тебе дом.
Это больше Вселенной. Оно ее жрет.

ВЕКИ

Десять раз в минуту...

За окном что-то строят — уже не первый месяц, но смотреть на это интереснее, чем работать. С сигаретой в зубах он облакачивается на подоконник и созерцает окрестности. Его карие глаза устроены в точности как у миллиардов других людей. Десять раз в минуту срабатывает защитная система: мозг подает сигнал, сокращаются миниатюрные мышцы, веки опускаются и возвращаются на место... он моргает.

Хлопок: веко упало и поднялось. Другой... третий... и каждый раз привычная ко всему сетчатка записывает одно и то же — краны, балки, вагончики. Однако в промежутках, десять раз в минуту, его разум погружается во тьму, где лишь иногда пляшут смутные блики — память о неярком осеннем солнце.

Сигарета докурена. Последний взгляд на городскую скуку, хлопок век...

И тогда он *замечает*...

Глаза широко открыты. Перед ним все те же краны и вагончики... но что-то изменилось в нем самом. Какая-то картинка будоражит его мозг, не дает покоя — расплывчатое нечто, возникшее по

ту сторону век. Вот оно, совсем близко, на краешке памяти, но поймать его не просто... И он моргает, моргает, моргает, видя с каждым разом все больше, все четче, стараясь рассмотреть... а когда это ему удастся, бросается вон из кабинета.

...Он несется по коридору — опрокидывая мебель, натываясь на сослуживцев, вереща как недорезанная свинья. Кто-то его останавливает. Он глупо тарашится на людей, выстукивает зрачками азбуку Морзе и шепчет — громко, шипящей скороговоркой: «Я вижу их! Вижу! Вижу!..»

...Мгновение кошмара, хлопок — и вот опять вокруг него стены постылого офиса, пиджаки и юбки, дурацкие вопросы... Но было ведь что-то и до них... *Это* хочется вырезать из мозга и выбросить в бак на первом этаже... что-то бледное... холодное...

...Он моргает и *видит* снова. Тут его уже не могут удержать...

...Хлопок!..— и под ним серая лестница, по которой он за шесть лет сделал столько ненужных шагов вверх и вниз. Сейчас она мчитя вперегонки с его обезумевшим телом, откуда-то напрыгивают повороты и площадки. Надо бежать, бежать, бежать, чтобы не дать глазам закрыться, не впустить ту черноту... но веки неумолимо падают...

...и он опять в пустоте, где тускло мерцают чьи-то бледные щеки... пара за парой подплывают они сквозь холодное ничто к нему, недвижимому, а между ними...

...Хлопок! Изумленные лица охранников — те вскакивают, чтобы схватить его, но он оказывается проворнее, он уже на улице... Он должен быть быстрее ветра, молнии, самого света, потому что только так можно обмануть эти складки кожи, что

падают, как лезвия гильотин... Обогнать, перехитрить веки! Двадцать секунд, тридцать, сорок! Ларьки, деревья, столбы, машины!..

...И темнота... Короткое затмение, один лишь миг... но и его довольно, чтобы придвинулись ближе белые, как молоко, губы...

...А ноги оказались бесполезны без головы-поводыря, и теперь их хозяин катается по грязному асфальту. Он отчаянно цепляется взглядом за камешки, окурки, фантики, коричневые ботинки и рыжие туфли, пытаясь усилием воли удержать все это в чумных ямах, что зовутся обычно глазами... Но верхние веки, как им и предназначено искони, сползают к нижним...

...а белые губы раздвигаются, и за ними нет языка. Но человек знает: будет поцелуй, и не один, потому что где-то рядом бледнеют другие тела, жаждущие его...

...Глаза открываются. Над ним склонились прохожие. Им и противно, и сладко глядеть, как он силится влажными пальцами удержать распухшие веки. Но некстати потекли слезы... пальцы соскальзывают...

...белые губы размыкаются шире, загадочно кривятся, и сквозь улыбку видны другие губы, и щеки, и тонкие белесые тела... ничего, кроме них и пустоты...

...Левой рукой он нащупывает в кармане пиджака перочинный ножичек. Тот будто выпархивает из ладони: его сочли опасным. Тогда он вспоминает о нестриженных ногтях — и под жуткие вопли зевак уничтожает наконец адские врата, которые кто-то устроил у него на лице...

...Он смеется. Десять, двадцать, тридцать секунд перед ним лишь неясный свет, который заменит отныне все краски и формы. Сорок, пятьдесят, шестьдесят — он слышит топот вокруг себя,

но счастлив, что не видит этих ног, что небо стало пятном... Семьдесят секунд...

Смех обращается в визг, потому что уходит зрение, а с ним и разум проваливается во мрак...

Люди, бегущие по пыльному асфальту, прочь от тела в корчах, не знают, что где-то далеко, по ту сторону век, оно сочетается странным браком.

И пускай оно кричит: белые губы целуют беззвучно.

2006

ИДОЛЫ В ЗАКОУЛКАХ

I

Глухо брякнув об асфальт, по переулку покати-лась жестяная банка. Стены в пять этажей здесь почти смыкались, и в кирпичном ущелье звук отдавался, как раскаты далекой грозы. Но сквозь просвет между домами проглядывал сентябрьский — ни облачка, ни птицы — закат. Силуэты антенн на крышах врезались трещинами в небесный янтарь.

Посреди переулка, не выйдя еще из тени, бес-покойно вертел головой невысокий человек. В рыжем вечернем свете его лицо походило на ущербную луну. Лицо не было ни безобразным, ни привлекательным — просто испуганным.

Он остановился, когда тишину нарушил вне-запный звук. Из-за мусорного бака выпрыгнула мятая банка, наткнулась на его ботинок и отско-чила назад. Теперь она едва заметно покачива-лась. Но насторожился человек из-за другого шу-ма: в двух шагах от него словно кто-то втянул с силой воздух.

Человек оглядел стены и баки. С них тупо тара-щились меловые уродцы, исполненные с разной степенью мастерства. Мусорные пирамиды воз-

вышались над краями баков, распространяя зло-
воние. Местами на ржавом металле обнаружива-
лись дыры. Банановая кожура и молочные пакеты
свисали из них, будто чьи-то мертвые руки. Все
было неподвижно и безмолвно. Человеку вдруг
подумалось, что шумели наверху, и он в страхе
поднял взгляд. Дом по левую руку был более ста-
рой постройкой. По всей стене тянулись ряды ко-
ваных балкончиков. Дверные проемы на них бы-
ли заложены желтым кирпичом и на сером фоне
казались бельмами. Балкончики пустовали. Пра-
вая же стена была совершенно глухой.

Человек вздохнул и поплелся к выходу на ули-
цу, вытирая ладони о брюки. Он заставил себя не
глядеть на баки, мимо которых шел. Но на углу,
уже в безопасности тротуара, обернулся. Над пе-
рилами балконов склонились закатные тени, пе-
реулоч погружался во тьму.

Он зашагал по тротуару — чуть торопливее,
чем ему представлялось.

II

Став студентом, о семье своей Игорь вспоми-
нал редко. В детские годы все было иначе. Двух-
комнатная квартира, где ютились они вчетвером,
заменяла ему вселенную. Вне ее пределов сущест-
вовали лишь нераскрашенные картинки: школа,
улица, деревья, машины и собаки.

Родители не могли нарадоваться на мальчика:
тихий, послушный, внимательный. Наказаний, в
отличие от сестры, Игорек не знал, а к поощрени-
ям относился равнодушно. В учебе он успевал с са-
мого начала. Чуть вернувшись с занятий, садился за
уроки, разом все запоминал — чтобы забыть до за-
втрашнего дня, — и шел смотреть, как отец читает
или мать варит суп. Если велели гулять, он гулял.

Друзья у Игорька водились — и во дворе, и в классе. Когда надо было на что-то поглазеть или куда-то слазить, звали его. Молчаливый, он умел составить компанию, не создавая неудобств. Случалась драка — Игорька не трогали, причем как-то случайно: трусом он не был.

Бог рано появился в его жизни. Однажды, когда мальчику было четыре года, мать показала ему картинку со странным лицом: лоб расцарапан колотками, но в бороде прячется улыбка.

— Это наш Господь Бог, — сказала мама.

— А что он может делать? — спросил Игорек, что-то уже об этом слышавший.

— Все, — ответила мама. Она научила сына непонятным словам, которые он, впрочем, запомнил с легкостью, и наказала читать их перед картинкой — по утрам и вечерам. Или в любое время, когда станет тяжело.

Поначалу Игорек был прилежен. По воскресеньям его брали в церковь — место, полное печальных лиц, свечей и шепотов. У храмовых дверей он всегда замирал на миг, выуживая Слова из памяти, и лишь тогда вступал под сумрачные своды.

Но как-то вечером они с сестрой сидели одни дома, родители задерживались. Сестра болтала по телефону. Игорек оставил ее и пошел к полке, на которой стояла картинка, чтобы прочесть перед сном Слова. Вдруг задребезжали стекла: мимо проезжал грузовик. Картинка зашаталась и свалилась на пол. Бородатый дядя уткнулся носом в палас.

Игорек хотел было его поднять, но передумал. И сказал:

— Бог, подними себя!

Картинка не двинулась.

— Бог, поставь себя назад!

Ничего не произошло. Тогда мальчик сам вернулся Бога на полку и отправился спать глубоко ра-

зочарованным. Слов с того вечера он не читал, а мать за этим уже не следила.

С подростковыми прыщами пришли и неприятности: сверстники наконец увидели в нем белую ворону. Если прежде он служил выгодным фоном, то теперь стал добычей. Его начали травить. Выскочила, точно только и ждала своего часа, кличка: Хорек-Игорек. И в самом деле, глазки у него были маленькие, галечные, а нос заметно выступал и тянул за собой толстые губы. Завершали сходство руки: те словно приросли ладонями к телу и нечасто поднимались без надобности.

Особенно невзлюбили Хорька девочки. На первых порах его обсуждали за глаза, потом принялись унижать поодиночке, парами и в компаниях. Он был аккуратен и чист — а говорили, будто от него воняет; он кашлял — от него, заразного, все отсаживались подалеже.

Как-то весной, возвращаясь после очередного мучительного утра домой, он вспомнил о заброшенных молитвах. Зацарапалась совесть. Игорек побежал в церковь. Молился он неистово, хоть и по-своему, но на следующий день в школе было только хуже. Он побывал в церкви еще пару раз — тщетно, не помогало. От смешанного запаха ладана и нищеты Игорька тошнило, и больше он этих дверей не открывал.

Пора влажных снов и первых поцелуев принесла Игорьку одни страдания. Он был невидимкой даже для самых невзрачных одноклассниц. По ночам он пропускал через воображение шеренги обнаженных девочек и женщин, актрис и певиц... Однако днем из-под неумело покрашенных век его встречала не страсть, а презрение. В конце концов, Хорьку стало чудиться, что даже девушкам в порножурналах противно, когда он их разглядывает.

И тогда он окончательно замкнулся в себе. Приходил точно к началу занятий, не отвечал на насмешки, на переменах оставался за партой и смотрел куда-то в пустоту. Одноклассники подзревали, что он обдумывает месть. Они ошибались. В минуты, когда галечные глаза пустели, их обладатель не думал ни о чем.

Его стали называть Хорьком-маньяком.

Родители, ничего не замечая, гордились умным и любящим сыном. Но тот их не любил. Они единственные относились к нему по-доброму — и Игорек отвечал им тем же. Чувств глубже этих в его душе не находилось. О сестре, уехавшей учиться в другую область, он вообще забыл.

С учебой было по-прежнему. Знания застредали в его мозгах, как в болоте: крепко и без пользы. Игорек мог рассказать любой урок, если того просил учитель, но по своей воле не вспомнил бы и коротенького стишка.

Этих способностей ему хватило, чтобы получить серебряную медаль. Он никак не мог выбрать будущую профессию: ничто не влекло. Когда родители предложили социологический факультет в Су-темском экономическом колледже, Игорек согласился. Вступительные экзамены он сдал без труда и в сентябре уехал.

Как и раньше, держался Игорек особняком, однако сейчас его никто и не донимал. В общежитии его заселили к такому же тихому пареньку; иногда они говорили об учебе, но обычно занимались каждый своим делом. Понемногу Игорек привыкал жить без родителей.

В группе он ничем не выделялся — всего лишь фамилия в списке, которую не слишком часто называют. О Хорьке здесь никто не знал, и он превратился в Игоря. С парой студентов мог перекинуться словом, несколько раз давал списы-

вать, для остальных же попросту не существовал.

Но он был доволен такой жизнью — пока не влюбился.

III

Это был уродливый район: дома кирпичные, похожие на тюрьмы, и панельные дома, будто сложенные из кубиков идиотом-великаном. Однако и те и другие Игорь видел каждый день вот уже два года, и, проходя мимо, замечал ровно настолько, чтобы не налететь на стену.

Сумерки сгущались. Он огибал прохожих и рытвины в асфальте, скорым шагом пересекал узкие улочки, едва не переходя на бег.

Страх посещал его нечасто: скорлупа апатии не пропускала в душу ни голливудских монстров, ни отморозков из подворотен. Если, бывало, в комнате посреди ночи гас свет, Игорь морщился — и только.

Когда-то сестра пробовала его пугать. Выскакивала из-за холодильника, натянув на голову черный чулок; забиралась под кровать и хватала брата за ноги; шептала ему ночью в ухо. Но брат, вопреки ожиданиям, не вскрикивал и не плакал, лишь вяло говорил: «А, это ты...»

Однако что-то изменилось с тех пор. Под кожей он словно чувствовал еще одну, изо льда. Страх шевелился в груди, нежно, почти любовно сдавливал легкие. Переулок оставался далеко позади, но запах отбросов мучил ноздри и туманил разум.

Все можно было объяснить просто: банку задела крыса, а шум доносился из канализации. Игорь хватался за эти объяснения, но разум соскальзывал с них...

Сотни раз он ходил этим переулком, и... Или не ходил? Игорь лихорадочно рылся в памяти — и нигде не находил кованных балкончиков и изрированных баков. От этого хотелось кружиться на месте, как собака в погоне за собственным хвостом.

Да, в тот проход он забрел случайно. Пошел от колледжа новым маршрутом, думая срезать. Как всегда, забылся. Очнулся, услышав тот звук. И началось...

Что началось?

За строем чахлых тополей медово светились огни общежития. Игорь зачем-то двинулся через кусты, по липкой глине, в стороне от людей. На углу остановился. Безотчетно потянулся вытереть ладони о брюки — и нащупал влажную ткань. Видно, он терзал штанину всю дорогу. Он сходит с ума?

Еще не осела дневная пыль. Здесь, в городе, ее предпочитали воздуху. Игорь учащенно дышал, и с каждым вдохом наркотическая сила привычки вливалась в него, изгоняя все волнения. Убогое здание общаги будто шептало, что ничего странного и ненормального в его стенах случиться не может.

Понемногу Игорь успокоился. Глупая тревога ушла. Он двинулся ко входу, готовя пропуск для вахтерши.

Идя по четвертому этажу, он, как обычно, задержался возле комнаты четыреста пятнадцать. И вдруг все понял. У него расстроились нервы, но причина — здесь, за грязно-белой дверью. Она была здесь уже почти два года...

Когда он вошел в свою комнату, сосед спросил:

— Ты что так долго сегодня?

И Игорь ответил чуть погодя:

— Заблудился.

IV

Утро.

Низко гудят лампы над головой. Их свечение мертво, в нем все кажется искусственным: предметы, люди, звуки. За окнами предрассветная тьма притворилась космической. Этого никто не видит, не страшится.

Парты стоят в шесть рядов. Головы над ними и на них почти одинаковы: на светлых и темных волосах, как нетающий снег, лежит дымка сна. Лишь тринадцать подбородков не клонятся к полу. Дюжину, на первом ряду, удерживает взгляд лектора; они колышутся в ритм указке. Тринадцатый, самый узкий, спрятался в центре аудитории. Он застыл перпендикулярно столешнице. Может, если он дрогнет, накренится потолок, провалится пол — настолько он неподвижен.

Чуть выше подбородка мясистые складки губ. Они едва заметно двигаются, но не слышно даже шепота. По бокам вытянутого носа, будто артиллеристы у пушки, засели мутноватые глаза. Глаза смотрят прямо — туда, где на рыжую вязаную кофту падают застывшие струи волос. Волос до того черных, что о других цветах и не вспомнить.

Глаза изучают форму и находят ее совершенной. Это каскад фонтанов, струящих бархатную нефть: с затылка на уши, с ушей на плечи, с плеч на тонкие руки...

«Происхождение религии,— бубнит лектор,— уже со времен Просвещения связывают с потребностью человека в моральных ограничителях...»

Лектора можно простить: из-за толстых линз очков ему не разглядеть, как прекрасны эти волосы. В их переплетениях, если присмотреться, кроются волнующие картины. Вот какой-то юноша обнимает девушку за талию. Их лица сближаются, делаются

крупнее, уже можно разглядеть отдельные черты... но черная волна смывает их. Теперь видны только женские плечи. Их ласкает, насыщая ветром, прозрачная ткань... они превращаются в крылья, и нагое тело взмывает в небо... Накатывает новая волна, и вот уже мягко вырисовываются округлые холмики грудей. Мужские пальцы скользят по ним, как осенний лист по воде, они вздымаются чаще...

«...со временем, однако, человечество стало применять и другие виды ограничителей,— с трудом перебивая гудение ламп, бормочет однотонный голос.— И самый важный из них — не абстрактная сущность „Бог“ или „любовь“, а благо самого человека...»

Под подбородком, на столешнице, лежат затянутые в клетчатые рукава предплечья. Бледные кисти на их концах потихоньку ползут к переднему краю парты. Но опомнившись на полпути, вздрагивают и поспешно отступают.

«...не может быть выше гуманистических ценностей: человека, его прав, обязанностей и потребностей...»

Оглушительно прокатывается по зданию звонок. Тут же открываются десятки ртов, все приходит в движение, и аудитория стремительно пустеет. Пестрый поток уносит с собой и рыжую кофточку.

Наступает беззвучие. Сквозь стекла льется шафрановый свет: солнце успело незаметно встать.

В центре комнаты, как издыхающее насекомое, трепыхаются чьи-то бессильные руки.

V

Он влюбился мгновенно и естественно, будто в душе открылась заслонка, выпуская ревущее пламя. Как-то само собой получилось, что во вторник

Игорь жил как обычно, а в среду уже любил — тихо, но до безумия.

Это случилось вечером. Идя на кухню, у лестницы, он встретил незнакомых студентов. Они о чем-то щебетали и смеялись. Игорь недолюбливал шумных людей, однако неловкие положения и ссоры ему претили еще больше. Он намеревался бросить на девушек укоризненный взгляд и пройти мимо, но тут увидел ее.

Игорь пошатнулся и застыл посреди коридора: ему померещилось, что в коридоре сверкнула черная молния — сверкнула и поразила его. Смоляные волосы, зеленые глаза, белая улыбка...

Она заметила его. Что-то шепнула подругам. Расхохотались. Ушли.

Игорь стоял, пялясь им вслед, а туман его жизни редел, и по лазоревому небу уже плыли сахарно-белые облака...

Привыкший быть отверженным, он и не думал за ней ухаживать. Даже имя — Мария — он узнал случайно, рыская вблизи нее, как взаправдашний хорек. Она училась в другой группе, и это осложняло дело. На потоковых лекциях Игорь садился где-нибудь возле, но никогда не вплотную. Во время перерывов крутился у досок объявлений и окон, то и дело бросая вороватые взгляды в толпу. В общежитии по сто раз на дню ходил мимо ее комнаты.

И мечтал, мечтал, мечтал. Они были туманными, эти дневные и ночные грезы. Мария представлялась ему то в пышных платьях, среди великолепия и роскоши, то в повседневной одежде, то (и тогда он сам себя стыдился) обнаженной... Неизменной в этих видениях оставалась лишь ее красота.

Сначала ему верилось, что даже так можно жить вечно. Но время шло, жажда делалась не-

стерпимой, а Игорь все безрассуднее. Он подслушивал у ее двери по ночам, смакуя голос, пропускающая слова. Раздевая ее глазами, еле сдерживал руки... Чтобы удержаться от соблазна, блуждал по улицам. Учеба давно уже не спасала.

Однажды в апреле молодое солнце напомнило о том дне, когда он искал спасения в церкви. Тогда его молитвы не были услышаны. И сейчас Игорь со всей силой откровения понял почему: он не того просил. Все показалось до смешного простым. Бог выполнит это желание хотя бы потому, что здесь Он просчитался. Такая сильная любовь не может быть безответной. Богу нужно лишь намекнуть...

В Новой церкви, за голубыми стенами, было пусто и темно. Игорь встал перед большим распятием и в третий раз испытал Бога. Он изложил все просто, рассказал, какая она, и как он ее желает. Бог на кресте молчал, молчала роспись куполов, таинственно горели свечи. А человек уже жил надеждой.

Обратно он ехал сам не свой.

Тянулись дни. Игорь тщетно искал знаков, но все было по-прежнему. Он ждал и ждал, пока не стало ясно, что Бог вновь обманул его. Игорь рыдал в подушку. И без того малорослый, сейчас он казался себе совсем крошечным.

В отчаянии он решил на безумство. Еле переставляя ноги, добрался до двери четыреста пятнадцать и постучал. Из комнат вокруг доносился смех вперемежку с дерганой музыкой.

Открыла Мария. Черные потоки свободно спускались по плечам.

— Привет! — сказала она.

Игорь не был готов отвечать: слова в сумбуре грез всегда ступшевывались, все происходило само собой.

— Ну, зачем пришел, говори! — Мария чуть нахмурилась... но ведь она первый раз смотрела на него, обращалась к нему, и...

...Через секунду дверь захлопнулась. Она сказала кому-то: «Да этот приходил, как его, из четыреста двадцать третьей...»

Он вернулся к себе. Сперва было очень, слишком горько. С собственным ничтожеством он свыкся уже позже.

VI

Безликая, мглистая осень. Здания, слившись с октябрьской серостью, обратились в скалы. По ущельям плетутся редкие фигуры. Никто не поднимает глаз: все опасаются обвала. Автобусы неслышно, как горные драконы, подползают и утаскивают путников куда-то в туман. Голые деревья возвышаются стелами погибшим.

Через перевалы пробирается щупленький юноша. Сквозь бурю куртку просачивается промозглый холод. Иногда паломник останавливается поглядеть в слепые озера, разбросанные повсюду на его пути, и в бензиновом зеркале некрасивое лицо искажается до уродства.

Юноша бредет дальше. Часто он поскользывается, лишь чудом не срываясь в грязные пропасти. Ему встречаются асфальтовые долины, где под ботинками хрустит стекло — останки ушедшего лета. Чьи-то силуэты исчезают в жерлах подъездов.

Мгла густеет, юноша уже не разбирает тропы. Голова склоняется ниже, руки никнут к телу. Хребты отступают в белесую неизвестность, и он остается один. Шаги падают в дымку, как густые капли. Теряются и они.

Тишь и пустота. Изнуренный паломник опускается на невидимые камни. Глаза его блекнут, лишь

где-то на дне остается черное пятно. Чувства обволакивает забытье.

Но вдруг кто-то задышал совсем близко — тяжело, с присвистом. Чуть приподняв веки, юноша различает затейливые прутья старых балконов. В ноздри пробивается мусорная вонь. Он встает на ноги — между двух верениц баков, плетущихся куда-то в молочное марево. Справа порыжевшее железо раздается в стороны. Из щели и доносится дыхание, к нему примешивается негромкий скрежет. Юноша все вспомнил, но бояться ему уже незачем. Он хочет узнать раз и навсегда, что прячется там. Но, не ступив и трех шагов, заходится в кашле. Его скручивает, он хватается за бак, обрушивает гору мусора, валится на четвереньки. И видит идола.

Тот похож на сердце, только что вырванное из чьей-то сильной груди. Он покрыт огненно, ядовито-рыжими волосами; в центре тела сокращается красный трещиноватый кружок, в который со свистом и толчками входит воздух. У идола пять суставчатых ножек, на вид очень хрупких, словно надломленный тростник. Каждая заканчивается чем-то беловатым и острым; самая длинная скребет стенку бака — легонько, как будто в задумчивости.

Идол возлежит на кипе размокшего картона и требует поклонения.

Джинсы юноши пропитывает холодная жижа, колени саднят. Но встать нельзя, потому что мышца под его ребрами теперь пульсирует в такт рыжей массе. Они связаны незримой нитью. Если ее оборвать, кто-то умрет. Оба...

Он подползает ближе. От вони и яркости мутит... Коготь отрывается от бака, описывает в воздухе петлю, приближается к живой плоти. Ножка изгибается, как велосипедная цепь, и суставы тихонько потрескивают.

